

Глава 1

— Ада! А ну прочь от окна! — вопит мама. На плече её рука, и — р-раз! — я лечу со стула вниз, прямо на пол.

— Да я только со Стивеном Уайтом поздороваюсь. — Эх, зря вырвалось, придержать бы мне лучше язык за зубами: сама ведь прекрасно знаю, что маме перечить не стоит. Но лето прошло недаром: я, что называется, стала на тропу войны.

Мама мне — оплеуху. Наотмашь. Больно: затылком о ножку стула. Из глаз искры пучком.

— Не смей с чужими разговаривать! — шипит. — Я ж единственно по доброте душевной тебе дала на улицу выглянуть. А будешь хвостом вертеть да с чужими языком чесать, я это окно заколочу к чертям!

— Джейми гуляет, и ничего, — мямлю в ответ.

— Конечно, гуляет, а чего б ему не гулять-то? Он же не калека. Не то что ты.

Тут лучше вообще язык прикусить, хотя ответ так на нём и вертится. Трясу головой, поскорее очухаться, глядь — на полу кровавое пятно. О нет. Видимо, днём не отмылось. Мама увидит — быстро смекнёт, что к чему. Тогда мне точно крышка. Ползком к пятну, сажусь на него. Калечную ногу тоже под себя, с глаз долой.

— Иди лучше чаю мне сделай, — говорит мама. Садится на край кровати, принимается стаскивать чулки. И давай покачивать у меня перед носом то одной своей ногой, то другой — обе преотличнейшие, конечно. — Мне скоро на работу пора.

— Иду, мам. — На место себя — стул, от окна вот так подвину, чтоб закрывал кровавое пятно, и ползком по комнате. Калечную ступню в струпьях стараюсь маме на глаза лишний раз не показывать. В кухне есть другой стул, у плиты, с него можно и конфорку газовую разжечь, и чайник поставить.

— Хлеба мне отрежь ещё. И смальцем намажь, — вдогонку орёт мама. — Брату тоже сделай. А если там чего останется, — гогочет, — так уж и быть, намажь ещё один и... кинь-ка в окошко! Посмотрим, что твой Стивен Уайт насчёт такого обеда скажет, ха-ха! Что, хорошо я придумала, а?

Ничего не отвечаю. Отрезаю два толстых ломтя, остальное быстро за раковину. Джейми всё равно до ухода мамы не вернётся, а едой он со мной всегда поделится.

Чай готов, подходит мама за кружкой.

— По глазам твоим бесстыжим, дочка, всё вижу. Ты не думай, будто можешь меня одурачить. И так Небеса благодарить должна, что я тебя вот такую терплю. Ты ведь и слыхом не слыживала, до чего в жизни худо бывает.

Отхлёбываю чай — себе я тоже налила кружку — и чувствую, как кипяток бежит вниз по горлу, прожигает след до самого желудка. Мама не шутит. Так ведь и я не шучу.

Войны бывают разные.

Всё, о чём тут рассказываю, началось четыре года назад, летом 1939-го. В те месяцы Англия ещё только готовилась вступить в новую Великую войну, ту самую, которая сейчас в разгаре. Многие жили в страхе. Мне было десять (хотя тогда своего возраста я не знала), и когда я впервые услышала про Гитлера, — ну как услышала: обрывки фраз, не больше, и в основном ругательных, что там заносило с улицы к нам в окно на четвёртый этаж, — меня нисколько не заботил ни сам Гитлер, ни какая бы то ни было международная война. Должно быть, вы уже успели подумать, что я воевала со своей матерью, но моя первая война, которую я затеяла тем летом, была война с братом.

Джейми был юркий мальчишка с копной грязно-русых волос, глазами ангелочка и душой бесёнка. Мама говорила тогда, что ему шесть и что

осенью он пойдёт в школу. В отличие от меня ноги у него были сильными и оканчивались двумя совершенно здоровыми ступнями. Ими Джейми прямо случая не упускал воспользоваться, чтобы убежать от меня подальше.

А я ненавидела оставаться одна.

Квартира наша состояла из одной комнаты на четвёртом этаже, над пабом, в котором мама работала по ночам. Утром она спала допоздна, и моей задачей было накормить Джейми и заставить его сидеть тихо, пока она не встанет. Потом мама уходила — в магазин или поболтать с соседками; иногда она брала и Джейми с собой, но чаще он оставался дома. Вечером она шла на работу, а я поила Джейми чаем, пела ему и укладывала спать, и всё это я проделывала каждый день сколько себя помню, с тех пор как Джейми ещё ползал в подгузниках и не умел ходить на горшок.

С Джейми мы играли, пели песни и наблюдали в окошко, что делается в мире: то придёт мороженщик с тележкой, то старьёвщик притащится на своей дохлой кляче; вечером вернётся с доков сосед, а днём женщины будут развешивать бельё и переговариваться с крылечек. Соседские дети будут прыгать через верёвочку и играть в салки.

Даже тогда я могла бы спуститься вниз. Сползти, например, или съехать на заднице. Совсем уж беспомощной я не была. Но в тот единственный раз, когда я осмелилась высунуться из квартиры, мама узнала об этом и избила до того, что на плечах выступила кровь.

— Ты же позор на мою голову! — кричала она. — Чудовище, с этой безобразной ногой! Думаешь, мне приятно будет, если люди увидят такую стыдобу? — И она пригрозилась заколотить окно, если я снова попытаюсь спуститься вниз. С тех пор она всё время мне этим угрожала.

Правая ступня у меня с детства была маленькой и кривой: подошва с пяткой повёрнута кверху, а тыльная сторона, наоборот, волочится по земле. Лодыжка, ясное дело, была нерабочая и болела, если на неё опираться, так что почти всю свою жизнь я обходилась без неё. Зато научилась хорошо ползать. Оставаться в одной и той же комнате долгое время мне было не так уж трудно до тех пор, пока в этой комнате со мной был Джейми. Но Джейми рос, и со временем ему всё больше хотелось поиграть с другими детьми и погулять на улице. «А чего б ему и не погулять? — говорила мама. — Он же у меня нормальный». Джейми она говорила: «Ты у нас, слава богу, не то что Ада. Можешь гулять, где хочется».

«Нет, не может! — протестовала я. — Я должна его видеть».

Поначалу он действительно дальше не убегал, но потом нашёл себе какую-то компанию, и они с мальчишками норовили исчезнуть из поля зрения на целый день. Потом он возвращался с рассказами про доки на реке Темзе, где большие корабли со всех концов света стоят, наполненные разными грузами. Он рассказывал мне о поездах; о складах, таких огромных, что весь наш дом меньше,

чем один такой склад. Он видел церковь Святой Девы Марии — по её колоколам я отсчитывала время. Летние дни становились длиннее, Джейми исчезал на дольше, пока не стал возвращаться совсем поздно, спустя часы после маминого ухода. Он постоянно где-то пропадал, а маме было всё равно.

Наша комната стала для меня тюрьмой. Я просто терпеть не могла, до чего в ней теперь тихо, душно, пусто.

Я пробовала всё, чтобы Джейми остался со мной. Заваливала дверь, чтобы не выбрался, но к тому времени он был уже сильнее. Умоляла маму вмешаться. Угрожала самому Джейми, а как-то раз в очередной жаркий день даже взяла и связала ему руки-ноги, пока спал. Я готова была силой вынудить его остаться.

Помню, когда Джейми проснулся, он не завопил, не закричал. Только дёрнулся разок и беспомощно застыл, глядя на меня.

И по щекам — слёзы.

Я тут же бросилась развязывать. В душе стыдно, гадко. Смотрю — на запястье у него красное пятно, там, где слишком туго затянула.

— Больше я никогда-никогда так не сделаю, — бормочу я. — Клянусь. Никогда.

А слёзы всё текут у него по щёчкам. И главное, сама понимаю почему. Я ведь за всю свою жизнь Джейми пальцем не тронула. Ни разу руку на него не подняла.

А теперь я как мама.

— Я дома останусь, — шепчет он.

— Нет-нет, — трясущей головой. — Не надо. Ты совершенно не должен. Только чаю попей сначала, а потом беги. — И сую ему скорей кружку и бутерброд со смальцем.

Помню, мы в то утро были одни дома, мама ушла куда-то, не знаю куда. Я Джейми по голове погладила, в макушку поцеловала, песенку ему спела — всё сделала, что умела, лишь бы только улыбнулся.

— Ты всё равно скоро в школу пойдёшь, — приговариваю. Главное, сказала — и сама удивилась, как я раньше этого не сознавала. — Тебя по целым дням дома не будет, но это ничего. Я кое-что исправлю, и всё со мной будет хорошо.

И упростила его идти гулять на улицу, даже помахала на прощанье в окошко.

А потом взялась наконец за то, что давно пора было сделать. Научилась ходить.

Кто знает, умей я ходить, может, мама бы меня так не стыдилась? Кривую стопу прикрыли бы чем-нибудь. Я могла бы выходить на улицу, к Джейми, быть с ним рядом или по крайней мере настороже, чтобы помочь, если вдруг что.

Собственно, к этому и пришло, пусть не совсем так, как я себе представляла. Свободу мне принесли сразу две войны — та маленькая, которую я затеяла против Джейми и которая сошла в то лето на нет, и та великая, которую затеял Гитлер и которая в то лето только начиналась.

Глава 2

В тот самый день я и взялась за дело. Взобралась на стул, поставила обе ступни на пол. Нормальную левую поставила. И кривую правую поставила. Колени выпрямила — рукой держусь за спинку — и встала.

Чтоб было понятно, в чем сложность: стоять я, конечно, и до этого могла. Могла, например, прыгать на одной ноге. Но ползти на четвереньках — оно ж куда быстрее, да и в такой тесной квартирке как-то казалось, зачем в полный рост вставать — и так всё под рукой. В итоге мышцы на ногах, в особенности на правой, стоять не привыкли, в спине сразу слабость; но это даже не самое важное. Хватало бы просто стоять — оно бы ещё ничего.

Чтобы ходить, надо как-то поставить больную ступню на пол. Перенести на неё вес, опереться, оторвать от пола вторую ногу, да ещё умудриться

не потерять равновесие и не свалиться от жгучей боли.

В тот первый день я встала. Ноги затряслись, рукой ухватила за стул, медленно перенесла вес с левой ноги на правую. И ахнула.

Учись я с детства, может, было бы не так плохо. Может, и косточки мои перекрученные приучились бы выдерживать вес. Может, и кожа на щиколотке огрубела бы, не сдиралась.

Всё может быть — этого я никогда не узнаю. В любом случае стоять мало, одним стоянием до Джейми не добраться, и я отпустила спинку стула. Кривую ногу вперёд, толчок... Боль клинком пронзила лодыжку. Я рухнула на пол.

Ещё раз. Рука на стуле. Выпрямляемся. Шаг вперёд... Упали. Ещё раз. Попробуем снова. На этот раз пусть сначала нормальная нога. Короткое ах, кривую ногу переносим, и — бам! Я опять на полу.

Кожа на калечной ноге, на тыльной стороне стопы, быстро стёрлась. Вокруг по полу кровь; я быстро устала, больше не могу. Во всём теле дрожь, ноги не держат, упала на колени. Потом достала тряпку и принялась вытирать пол.

Так прошёл первый день. На второй оказалось ещё хуже. Потому что теперь болела и нормальная нога тоже. Выпрямить их обе не было никаких сил. На коленях темнели синяки от падений, а на больной стопе ныли вчерашние ссадины. Единственное, что у меня вышло на второй день,

это постоять, держась за спинку стула. Пока стояла, смотрела в окно. Упражнялась переносить вес с одной ноги на другую. А потом легла на кровать и рыдала от боли и изнеможения.

Всё это оставалось, конечно, в тайне. Маме я не собиралась рассказывать, пока не научусь как следует, а Джейми не могла довериться, вдруг выдаст. Пожалуй, могла бы в окно выкрикнуть, но что бы поменялось? Каждый день я видела внизу людей, иногда даже с ними заговаривала, и они даже махали мне изредка рукой, здоровались по имени. Но никто толком не пытался завести со мной беседу.

Может, мама хоть улыбнулась бы. Сказала бы, например: «А ты у меня всё-таки смышлёная, а?»

В своих фантазиях я шла ещё дальше. Бывало, сижу после тяжёлого дня с ногой на кровати, наружу пробиваются рыдания, аж всю трясёт, а я давлю их в горле и представляю, как мама берёт меня за руку и помогает спуститься по ступенькам. Потом выводит меня на улицу и говорит всем: «Это Ада, моя дочка. Видите, не так уж всё запущено оказалось!» Всё-таки мама же.

Я представляла, как хожу с ней за продуктами. Как иду в школу.

— Рассказывай всё, — просила я Джейми поздно вечером. Садила его к себе на колени у окна и спрашивала: — Что ты сегодня видел? Что нового узнал?

— В магазин заходил, как ты просила, — говорит, например, Джейми. — Во фруктовый. Везде фрукты лежат. Прямо кучами на столах, представляешь?

— А какие фрукты?

— Ну там, яблоки. А ещё какие-то как бы вроде яблок, только не совсем. Ещё такие круглые, оранжевые, яркие такие, а ещё другие, зелёные...

— Тебе надо по названиям их узнать, — говорю ему.

— Не, не могу. Продавец как увидел, что я плясую, так меня сразу и вытурил. Сказал, не хватало ещё, чтобы всякие грязные попрошайки у него товар тибрили, и метлой меня шуганул.

— Дже-ейми, какой же ты грязный попрошайка? — Иногда, когда маме претило, как от нас пахнет, мы мылись. — И потом, ты бы не стал воровать.

— Что значит «не стал»? — говорит Джейми, засовывает руку за пазуху и достаёт такое вот как бы яблоко — жёлтое, мягкое, неровное. Грушу на самом деле, только тогда мы этого не знали. Кусаем, сок течёт по подбородкам.

Никогда не ела ничего вкуснее.

На следующий день Джейми стянул помидор, а на следующий день попался, когда хотел стащить у мясника отбивную. Мясник отлупил его прямо на улице, а потом привёл за руку домой и сдал маме с потрохами. Мама схватила Джейми за шкурку и отлупила сама.